

Е.Н. Катанова (Воронеж)

**НОМИНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ СУБЪЕКТА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В САМОИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕМ ВЫСКАЗЫВАНИИ**

В статье анализируются языковые средства репрезентации субъекта самоидентификации в самоидентифицирующем высказывании.

The article is devoted to the analysis of language means of representing the subject of self-identification in a self-identifying utterance.

В центре внимания нашего исследования находился субъект самоидентификации, то есть говорящий/адресант, идентифицирующий себя либо как уникального индивида, либо как представителя некоторой референтной группы. Референтная группа трактуется, вслед за Р. Мертоном, как «коллектив, являющийся для данного индивида значимым» (цит. по: Малахов 2003: 30). В структуре предложения субъект самоидентификации, как правило, представляет собой синтаксический субъект, входящий в состав простого или части сложного предложения, содержащего самоидентифицирующее суждение.

Исследование проводилось с целью выделения определённых номинативных стратегий, реализуемых говорящим при выборе средств обозначения себя как субъекта самоидентификации. Также предпринималась попытка выявить общие и специфические механизмы реализации номинативных стратегий, характерные для представителей двух лингвокультур: американской и британской. Принимая во внимание существование корреляции между идентичностью как частью культурно детерминированной индивидуальной картины мира и выбором языковых средств для объективации сведений о мире, мы предполагаем обнаружить в материале двух рассматриваемых лингвокультур некоторые различия. Несмотря на то, что представители британского и американского сообществ говорят на языке, обладающем одинаковыми структурными свойствами, в процессе самоидентификации на основании тех или иных самоидентифицирующих признаков у них могут актуализироваться разные комплексы сведений. Это обусловлено очевидной культурной спецификой, прослеживаемой как в

ценностных ориентациях, так и в организации взаимодействия между людьми в разных условиях.

Материалом исследования послужили 500 микротекстов (по 250 для каждой группы материала), извлеченных методом сплошной выборки из стенограмм заседаний Британского парламента и конгресса США за 2005-2006 гг., опубликованных в Интернете на сайтах www.publications.parliament.uk и www.gpoaccess.gov/crecord/.

Анализ языковых средств обозначения субъекта самоидентификации позволяет говорить о реализации *двух номинативных стратегий*: стратегии *прямой идентификации* и стратегии *дефокусации*. Номинативные стратегии трактуются как «выбор из совокупности всех потенциально возможных изофункциональных гетерогенных средств именованя отдельных элементов картины мира (предметов, процессов, качеств и т. д.), так и её фрагментов (ситуаций или комплексов ситуаций, связанных друг с другом причинно или аддитивно, постоянно или случайно)» (Гришаева 2001: 35).

Указанные выше номинативные стратегии прямой идентификации и дефокусации рассматриваются нами вслед за О.В. Кашкиной, которая в зависимости от характера и типа референции выделила четыре номинативные стратегии при обозначении объекта самооценки: стратегию прямой идентификации, стратегию дефокусации, стратегию дистанцирования и стратегию деперсонализации (Кашкина 2005: 74). Механизмы реализации стратегий дистанцирования и деперсонализации, которые выделяет О.В. Кашкина, в исследуемом материале не обнаружены.

Под стратегией прямой идентификации понимается использование средств с четкой референтной связью, обеспечивающих для адресата безошибочную идентификацию говорящего как автора самоидентификации и носителя определённого действия или признака (Там же). Механизмом реализации номинативной стратегии прямой идентификации признается личное местоимение первого лица единственного числа *I* (Там же), так как его грамматическая семантика заключается в обозначении коммуникативной роли единичного говорящего (Абрамов 1986: 15; Гак 1981: 132; Кашкина 2005: 73-74; Harré 1990: 162).

Стратегия дефокусации трактуется как «способ переключения фокуса внимания адресата с личности говорящего как единичного индивида на некоторую группу, членом которой является говорящий» (Кашкина 2005: 75). В качестве механизмов реализации номинативной стратегии дефокусации может выступать личное местоимение первого лица множественного числа *we*, притяжательные местоимения единственного и множественного числа *my*, *our*, объектное местоимение *me* и ряд других местоимений, приложимых в данной речевой ситуации к говорящему.

Анализ материала показал, что в большинстве самоидентифицирующих высказываний (СИВ) субъект самоидентификации обозначен личным местоимением единственного числа *I*. В британском материале доля таких высказываний составила 77 %, в американском материале – 72 %. Здесь и далее за 100 % принимается количество СИВ в отдельной лингвокультуре, затем, если необходимо, полученные цифры суммируются. Таким образом, фокус внимания адресата направлен на отдельного индивида, а не на референтную группу, с которой он себя идентифицирует.

Британский материал:

Baroness Howarth of Breckland: My Lords, I declare an interest as a member of the board of the Food Standards Agency (10 July 2006: Column 478).

Американский материал:

Mr. Reed: I am very privileged to be the ranking member of the Joint Economic Committee (April 7, 2005, S3352).

В американском материале в 19 % случаев субъект самоидентификации вербализуется личным местоимением первого лица множественного числа *we* в референции к единичному говорящему. В британском материале доля СИВ с субъектом самоидентификации *we* составила 8 %. Думается, что полученные количественные данные могут быть обусловлены всеобщим характером признака, по которому идентифицирует себя субъект самоидентификации и/или спецификой дискурсивной среды парламентских дебатов, а также различиями в ценностных ориентациях двух лингвокультур. Семантика местоимения *we*, по признанию лингвистов, более сложна, чем семантика местоимения *I* (Кашкина 2005: 76; Harré 1990: 169). Если местоимение *I* однозначно реферирует к говорящему, то местоимение *we* обладает менее четкой референтной связью

(Longman grammar 2004: 329). Поэтому содержательная интерпретация местоимения *we* зависит от коммуникативно-прагматических условий, в которых функционирует высказывание. *We* может включать как всех участников коммуникации, в том числе слушающего (инклюзивное *we*), так и определенную группу лиц, в которую входит говорящий, но не входит адресат (эксклюзивное *we*) (Абрамов 1986: 15; Кашкина 2005: 79; Benveniste 1979: 233-234; Longman grammar 2004: 329). Однако, несмотря на семантическую неопределённость *we*, его значение может конкретизироваться за счет использования дополнительных элементов в аппозиции к данному местоимению (Longman grammar 2004: 329). В анализируемом материале в роли таких элементов выступают лексемы (лексема), маркирующие профессиональный, этнический или политический аспекты идентичности, например, *a Senate, elected Members, as Senators, Gaelic speakers, Republicans*. На данном этапе исследования не принимаются во внимание различия в синтаксических механизмах вербализации сведений.

Употребление инклюзивного *we* в качестве средства номинации субъекта самоидентификации можно проиллюстрировать следующими примерами.

Британский материал:

Joan Ruddock: We elected Members have a duty to our constituents, and a great deal of time has to be devoted to that (26 Jan 2005: Column 358).

Американский материал:

Mr. Allen: As Senators we have a responsibility to vote (May 18, 2005, S5394).

Примерами использования эксклюзивного *we* являются следующие СИБ.

Британский материал:

Lord Dixon-Smith: The noble Lord, Lord Flowers, remarked to me many years ago, when we were serving together on the Science and Technology Committee, that mankind had only one source of energy, and that was derived from nuclear power (27 Oct 2005: Column 1349).

Американский материал:

Mr. Leahy: We are a state with a nuclear reactor (13 July, 2006, S7467).

Наряду со значениями *we* инклюзивного и *we* эксклюзивного местоимение *we* реализует ряд других значений (О других значениях *we* см. подробнее: Harré 1990: 168-178). В данной

статье нам представляется целесообразным выделить три функции местоимения *we*: «РАЗДЕЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ», «СОЛИДАРИЗАЦИЯ» и «ДИСТАНЦИРОВАНИЕ ОТ ДРУГИХ ГРУПП» (Кашкина 2005: 76-77).

Функция «РАЗДЕЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ» реализуется, когда *we* реферирует к совокупности лиц, несущих такую же, как и говорящий, ответственность за совершаемое действие (там же). Эффект разделения ответственности усиливается с помощью модальных глаголов в позитивной или негативной форме (*cannot, must, must not, should*) и лексем, имеющих общую сему «ОБЯЗАННОСТЬ» (*duty, job, obligation, responsibility*). Местоимение *we* в функции «РАЗДЕЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ» обнаружено в 10 % высказываний (4 % в британском материале и 6 % – в американском) и употребляется для выражения профессионального аспекта идентичности.

Американский материал:

Mr. Reid: Our decisions will affect the American people. We should never as a Senate forget that what we do has an impact on everyone (January 4, 2005, S6).

Британский материал:

Lord Grenfell: As the presidency parliament we also have certain obligations starting 1 July, the principal one of which is for our committee to co-host and co-chair, with the Scrutiny Committee in another place, the meeting of COSAC – the Conference of Community and European Affairs Committees of the Parliaments of the European Union (19 May 2005: Column 202).

При реализации в функции «СОЛИДАРИЗАЦИЯ» *we* подчеркивает сходство позиций или действий членов референтной группы (там же). *We* в функции «СОЛИДАРИЗАЦИЯ» обнаружено в 15 % СИБ, причем 12 % высказываний приходится на американский и только 3 % – на британский материал. По нашим наблюдениям, СИБ с местоимением *we* в данной функции в американском материале служит для выражения сведений об этнической принадлежности говорящего, который апеллирует к чувству патриотизма и национальной исключительности, свойственному каждому американцу. Для достижения эффекта солидаризации используются языковые средства, принадлежащие к различным лексико-грамматическим разрядам: прилагательное *common*, местоимение *both*, наречие *together*, числительное *one*, предлог *with*, соединительный союз *and*.

Американский материал:

Mr. Kind: As long as we move forward as one nation, united in our common goals, we can cross any bridge; we can overcome any challenge (July 13, 2006, H5168).

Британский материал:

Mr. Angus MacNei: We Gaelic speakers call ourselves the Gaels, and have done so throughout history (26 May 2005: Column 883).

Используя *we* в функции «ДИСТАНЦИРОВАНИЕ ОТ ДРУГИХ ГРУПП», член парламента отграничивает совокупность лиц, в которую включается он, от другой группы лиц (Кашкина 2005: 77). Эффект дистанцирования создаётся за счет контрастного употребления лексических средств, именующих лицо или группу лиц, качества которых служат когнитивным фоном для профилирования сведений о субъекте самоидентификации (*we – you, Republicans – Democrats, we – Democrats*), а также с помощью предлога *unlike*, словосочетания *on the other hand*. Высказывания с местоимением *we*, реализующим функцию «дистанцирование от других групп», составляют незначительную долю в общем количестве примеров – 2 % (по 1 % в каждой группе материала) и служат для самоидентификации по признаку политической или этнической принадлежности.

Американский материал:

Ms. Foxx: We are the party that is working to improve the lives of the American people by lowering taxes, enacting legal reform, and decreasing government interference in the lives of entrepreneurs and small business owners. Democrats, on the other hand, continue to promote their tax-and-spend policies, because they think they know how to spend your hard-earned money better than you do (March 2, 2006, H25).

Британский материал:

Greg Mulholland: Unlike many of the big cities such as Manchester, Birmingham or Liverpool, we do not use the name of an area for Leeds, North-West because there is no area that could claim to be the notable area of my seat (26 May 2005: Column 926).

Как показал анализ материала, в 17 % случаев (10 % в британском материале, 7 % в американском материале) референция к субъекту самоидентификации осуществляется через притяжательные местоимения в форме единственного или множественного числа. Необходимо отметить, что в предложениях, оформляющих СИБ, притяжательное местоимение *my/our* выступает в роли детерминатива к одному из абстрактных существительных *aim, duty, responsibility*, выполняющему функцию синтаксического субъекта или предикати-

ва. Отмеченная тенденция наблюдается как в британском, так и американском материале. Однако в британском материале средства выражения синтаксического субъекта принадлежат к однородной тематической группе, а в американском материале среди них прослеживаются существительные, принадлежащие к разным семантическим классам, таким как результат деятельности человека (*experience*), возрастные категории людей (*generation*), виды трудовой активности (*job*), социальное происхождение человека (*roots*), что, очевидно, связано с актуализацией соответствующих аспектов идентичности: профессионального и/или возрастного. Также, как и О.В. Кашкина, мы считаем, что притяжательные местоимения реализуют в высказывании номинативную стратегию дефокусации, так как фокус внимания переключается с личности адресата на соответствующее действие субъекта или признак его личности (Кашкина 2005: 83).

Британский материал:

Mr. Charles Clarke: My principal responsibility as Home Secretary is to preserve our democracy against those who seek to destroy it through terrorist attacks. The threat is real, and I believe that the steps I am announcing today will enable us more effectively to meet that threat (26 Jan 2005: Column 309).

Mr. Forth: Of course that is true. However, I hope that the hon. Lady recognises that, as elected Members, our primary duty is here in the House (26 Jan 2005: Column 358).

Американский материал:

Mr. Jeffords: My first job following the Navy and law school was as a clerk for Judge Ernest Gibson, Jr. of Vermont (April 7, 2005, S3351).

Mr. Frist: My colleagues, our roots as representatives of the people are not recent. They are ancient (January 4, 2005, S5).

Референция к субъекту самоидентификации может осуществляться посредством объектного местоимения *me*. Такой способ вербализации субъекта СИВ не является распространенным в анализируемом материале и выявлен в 3 % случаев (2 % в британском материале, 1 % – в американском).

Британский материал:

Mr. Browne: The hon. Gentleman has raised an important issue. The removal of failed asylum seekers is a priority for me, as Minister with that responsibility, and for the Government (31 Jan 2005: Column 562).

Американский материал:

Mr. Thompson: Her history and involvement in voting education and voter participation include people like me, who stand before you as the highest-ranking African American elected official in the State of Mississippi (July 13, 2006, H5163).

В ряде случаев (4 %, из них 3 % в британском и 1 % в американском материале) субъект самоидентификации вербализуется личным местоимением первого лица единственного числа *I* в сочетании с личным местоимением второго (*you*) или третьего лица (*he*) либо именем собственным или несколькими именами собственными (*the Economic Secretary; John Ensign; the Presiding officer; my right hon. Friend the Chancellor, the Economic Secretary*). Данный способ вербализации субъекта самоидентификации следует отнести к механизму реализации номинативной стратегии прямой идентификации, так как местоимение *I* осуществляет прямую референтную связь между говорящим как автором самооценки и носителем действия или признака.

По мнению Е.И. Ковалёвой, авторы публичных выступлений избирательно используют группу *you and I* и местоимение *we*. Если местоимение *we* демонстрирует большее единство адресанта и адресата, то группа *you and I* иногда может подразумевать существование определённых разногласий в позициях участников коммуникации по какому-либо вопросу и, следовательно, создает некоторую дистанцию между ними (Ковалёва 2000: 113). В исследуемом материале подобное наблюдение сделано не только в отношении группы *you and I*, но и групп *he and I*, *N and I* (где *N* – имя собственное), что подтверждается примерами 1 и 2.

Американский материал:

1) *Mr. Reid: John Ensign and I are from the State of Nevada... John Ensign is a loyal Republican, and I do my very best to represent the Democratic Party (January 20, 2005, S97).*

Британский материал:

2) *Mr. Speaker: Order. I do not wish to pursue the matter, but I am telling the hon. Gentleman that if there is such an orchestrated attempt, I will deal with it. Does he wish to pursue the matter?*

Mr. Sheerman: Only in relation to one small element. Mr. Speaker, you and I both have daughters, and if one has daughters, one is perhaps even more pro women's rights than if one does not. This technique is used more against women Members of the House than against men –

Mr. Speaker: Order. All Members are treated equally in the House, regardless of their gender (26 May 2005: Column 880).

3) *Dawn Primarolo: My right hon. Friend the Chancellor, the Economic Secretary and I have the greatest confidence in the work of the Inland Revenue and Customs and Excise, and the Economic Secretary and I are proud to have served as departmental Ministers.* (26 Jan 2005: Column 423).

Итак, в результате проведённого анализа установлено, что первичным способом вербализации субъекта самоидентификации как в британском, так и в американском материале является личное местоимение первого лица единственного числа *I* как механизм реализации номинативной стратегии прямой идентификации. В качестве вторичного способа вербализации субъекта СИБ выступают различные механизмы реализации номинативной стратегии дефокусации. Среди них в американском материале наиболее частотным является личное местоимение первого лица множественного числа *we*, а в британском материале – притяжательное местоимение единственного числа *my* и местоимение *we*, которые составляют приблизительно одинаковую долю в общем корпусе примеров каждой лингвокультуры. Вторую позицию по частотности употребления занимает объектное местоимение единственного числа *me*.

Таким образом, несмотря на существование одинаковой для представителей двух лингвокультур тенденции в выборе средств номинации субъекта самоидентификации, в использовании языковых средств имеются некоторые различия. По нашим наблюдениям, представители американской культуры для обозначения субъекта самоидентификации охотнее используют механизм реализации стратегии дефокусации *we*, нежели представители британской культуры. Данный факт может объясняться всеобщим характером признака, по которому идентифицирует себя субъект самоидентификации. Однако для того, чтобы сделать более определённые выводы относительно причин, обуславливающих выявленную особенность, необходим дальнейший анализ эмпирического материала с учетом факторов дискурсивной среды парламентских дебатов и ценностных ориентаций рассматриваемых языковых культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Б.А. Понятийная категория коммуникативных ролей (грамматическое лицо) / Б.А. Абрамов // ИЯШ. – 1986, № 6. – С. 12-16.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис: Для ин-тов и фак. ин. яз. / В.Г. Гак. – М., 1981. – 208 с.
3. Гришаева, Л.И. Перевод как когнитивно-коммуникативная деятельность / Л.И. Гришаева // Социокультурные проблемы перевода: Сб. науч. тр. – Вып.4. – Воронеж: Воронеж.гос. ун-т, 2001. – С. 32-43.
4. Кашкина О.В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации Я-концепта (на материале интервью немецкой прессы): Дис. ... канд. филол. наук / О.В. Кашкина. – Воронеж, 2005. – 210 с.
5. Ковалёва Е.И. Преемственность традиций классической риторики в американском публичном выступлении: На материале выступлений общественно-политических деятелей США: Дис. ... канд. фил. Наук / Е.И. Ковалева. – М., 2000. – 204 с.
6. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью / В.С. Малахов // Идентичность: хрестоматия / Рос. акад. образования, Моск. психол.-социал. ин-т; сост. Л.Б. Шнейдер. – М.; Воронеж: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та: МОДЭК, 2003. – С.26-44.
7. Benveniste É. Problèmes de linguistique générale / É. Benveniste. – Paris : Gallimard. – Vol. 1, 1979. – 356 p.
8. Harré, R. Pronouns and people: The linguistic construction of social and personal identity / Peter Mühlhäusler & Rom. Harré; With the assistance of Anthony Holiday & Michael Freyne. – Oxford : Blackwell, 1990. – 303 p.
9. Longman grammar of spoken and written English / Douglas Biber [et al.]; Forew. by Randolph Quirk. – Harlow : Longman, 2004. – 1204 p.

Источники

1. (www.publications.parliament.uk).
2. (www.groaccess.gov/crecord/).

Получено 04.04.2007 Воронежский филиал Российского государственного открытого технического университета путей сообщения

Катанова, Елена Николаевна – преподаватель кафедры иностранных языков Воронежского филиала Российского государственного открытого технического университета путей сообщения.